

Максим Д. Шраер

.

Антисемитизм и упадок русской деревенской прозы

Астафьев, Белов, Распутин

С о в р е м е н н а я з а п а д н а я р у с и с т и к а

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Максим Шраер

**Антисемитизм и упадок
русской деревенской прозы.
Астафьев, Белов, Распутин**

«Библиороссика»

2020

УДК 82.09
ББК 83.3(2)

Шраер М. Д.

Антисемитизм и упадок русской деревенской прозы. Астафьев, Белов, Распутин / М. Д. Шраер — «Библиороссика», 2020 — («Современная западная русистика» / «Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-6044709-1-6

В новой монографии русско-американского писателя и исследователя, профессора Бостонского Колледжа Максима Д. Шраера подробно анализируется творческий путь ведущих представителей русской деревенской прозы Виктора Астафьева, Василия Белова и Валентина Распутина. Книга Шраера показывает, как писатели-«деревенщики» активно распространяли как бытовые, так и государственные формы советского антисемитизма. Согласно Шраеру, ведущие писатели-«деревенщики» сами вызвали упадок русской деревенской прозы, вписав антисемитский нарратив в свои литературные произведения и публичные дискурсивные заявления. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82.09
ББК 83.3(2)

ISBN 978-5-6044709-1-6

© Шраер М. Д., 2020
© Библиороссика, 2020

Содержание

Краткая предыстория	6
Антисемитизм писателя, оценка критика и отравленные плоды апологетики	7
Писатели-«деревенщики» и еврейский вопрос	9
Виктор Астафьев. Нутряной антисемит вопреки самому себе	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Максим Д. Шраер
Антисемитизм и упадок
русской деревенской прозы.
Астафьев, Белов, Распутин

Книга публикуется в авторской редакции

© Maxim D. Shrayer, текст, 2020

© Academic Studies Press, 2020

© Оформление и макет

ООО «БиблиоРоссика», 2020

Краткая предыстория

Летом 1998 года я провел два месяца в Вашингтоне в качестве стипендиата Кеннановского института по изучению России. Я снимал у пожилой вдовы квартиру в узком трехэтажном особняке у подножья Капитолийского холма, неподалеку от немецкого ресторана Cafe Berlin. Каждый день, кроме выходных, я проводил в библиотеке Конгресса США, собирая материалы для нового исследования. В мои задачи входило не только перечитать и прочитать наново все опубликованное Виктором Астафьевым, Василием Беловым и Валентином Распутиным – тремя столпами русской деревенской прозы, – но и описать динамику литературной карьеры каждого из них. Я поднял практически весь пласт критической литературы о писателях-«деревенщиках», опубликованной к тому времени. Результатом моей работы стало эссе «Антисемитизм и упадок русской деревенской прозы» («Anti-Semitism and the Decline of Russian Village Prose»), которое вышло осенью 2000 года в ежеквартальнике «Партизан Ревью» [Shrayer 2000]. Публикация была замечена главным образом политологами и культурологами, занимающимися вопросами расовых и религиозных предрассудков, и вызвала отклики в американских академических кругах¹. В тогдашней России статья осталась без внимания, и только в последние годы на нее стали появляться ссылки в работах российских исследователей².

С тех прошло два десятилетия, из жизни ушли антигерои моих исследований. Сначала, в 2001 году, умер Астафьев, следом за ним, в 2012 году, Белов, а последним Распутин – в 2015 году. Появился повод вернуться к давним наработкам и заполнить критические пробелы уже с дистанции двадцати пяти лет постсоветской истории и культуры³.

Вернувшись к проблематике жизни и творчества писателей-«деревенщиков» в 2016 году, я изначально предполагал написать это исследование по-английски и предложить его американскому издательству. Однако вновь погружаясь в материал, перечитывая произведения Астафьева, Белова и Распутина и размышляя о наследии этих писателей, я пришел к выводу, что моя книга должна быть опубликована именно в России. Отправляя эту книгу в печать, хочу отметить, что моя цель – дотянуться до правды, а не провоцировать. Российские читатели заслуживают честного разговора, а не ухода в сторону от проблемы национального значения. Иначе российское общество не преодолет наследие советской тоталитарной культуры.

ноябрь 2019 года

Бруклайн – Саут Чэттем, шт. Массачусетс

¹ См.: [Parthe 2004], особенно с. 85–86.

² В книге Анны Разуваловой обзору моих доводов и полемике с моими заключениями уделено немало страниц [Разувалова 2015] (см. последнюю главу книги, «Деревенская проза» и ответ на «еврейский вопрос», с. 418–540, особенно с. 425–428, 477–478). Ранний вариант части книги опубликован в статье: [Разувалова 2013], но без ссылок на мою статью.

³ Сокращенный ранний вариант главы, посвященной карьере Виктора Астафьева, был представлен 2 ноября 2016 года на 1-й Московской международной конференции по противодействию антисемитизму «Защитим будущее» и опубликован; см.: [Шраер 2018].

Антисемитизм писателя, оценка критика и отравленные плоды апологетики

Как провести черту между художественными достижениями и моральным безобразием писателя? Как оценивать писателя, который о своем родном народе говорит с художественной честностью, но при этом с враждебностью и злобой пишет о тех этнических и религиозных группах, которые воспринимает как чужаков, несущих разрушение культуре и традициям его родной земли? Должны ли мы, изучая динамику литературной карьеры, идентифицировать вспышки нетерпимости – эти кровоточащие узлы поэтики и политики – на траектории творческого пути писателя? Подобные «проклятые» вопросы занимают исследователей антисемитизма уже давно. Публикация книги британского юриста, культуролога и историка Энтони Джулиуса «Т. С. Элиот, антисемитизм и литературная форма» [Julius 1995] вызвала к жизни полемику не только в западных академических изданиях, но и в европейском и североамериканском мейнстриме. Обвинения в религиозных или этнорасовых предрассудках, выдвигаемые в адрес того или иного писателя, зачастую приводят критиков к поляризации оценок, а порой вообще заводят их в интеллектуальный тупик.

В зависимости от отношения к антисемитизму исследуемой творческой личности можно выделить две основные категории: обвинители-обличители и защитники-оправдатели. В суде академической науки и общественного мнения обвинители предлагают переоценить репутацию писателя в свете его антисемитских сочинений или антиеврейского публичного поведения. Рьяно-благочестивые критики порой призывают изгнать обвиненного в антисемитизме писателя из литературного канона, низвергнуть с национального пьедестала. Что, конечно, легче сказать, чем сделать, особенно когда наследие писателя, художника, композитора представляет собой неотъемлемую часть национальной литературной традиции или же мировой культуры. Вспомним, к примеру, дебаты, связанные с появлением книги американского музыковеда канадского происхождения Майкла Мариссена «Лютеранство, антииудаизм и “Страсти по Иоанну” Баха» [Marissen 1998], а также последовавшей за ней книги Мариссена «Подпорченное величие в “Мессии” Генделя» [Marissen 2014]. В первой Мариссен критически оценил музыкальную трактовку И. С. Бахом вопроса об ответственности евреев за смерть Иисуса (в «Страстях по Иоанну»), а во второй писал об антииудейской направленности музыкального триумфализма Генделя, воспевавшего победу Рима и разрушение Второго Храма. Аргументы и находки, ставящие под сомнение канонический ореол, как правило, рождают новый виток апологетики.

Для апологетики, особенно апологетики «канонизированных» писателей, характерны две принципиальные стратегии. Нередко критики и биографы игнорируют у защищаемого писателя вспышки нетерпимости, отказываются признать его предрассудки как факт. В контексте споров об антисемитизме Достоевского, особенно в «Дневнике писателя», Гэри Соул Морсон назвал игнорирование обвинений в антисемитизме «отрицательной апологетикой»⁴. (Забегая вперед, замечу, что среди недавних примеров «отрицательной апологетики» можно выделить книгу Юрия Ростовцева «Виктор Астафьев», выпущенную в серии «Жизнь замечательных людей» в 2009 году [Ростовцев 2009].) В отличие от прямолинейной апологетики отрицания или замалчивания, в академической среде распространена более сложная ее форма, которая представляет антисемитизм, расизм, ксенофобию как явления маргинальные или окказиональные, как проявления дискурсивности или же публичного поведения, нетипичные для художественного мира писателя. К этой категории, пожалуй, принадлежит глава из недавней книги

⁴ См.: [Morson 1983: 312]. Морсон позднее опубликовал расширенный вариант этой статьи: [Morson 1996].

Евгения Ермолина «Последние классики» – самый глубокий постсоветский текст об Астафьеве⁵. Прочитируем суждение Ермолина:

К 90-м годам в творчестве Астафьева, кажется, назрел кризис. Его отпечатки несет литературнопублицистическая деятельность писателя середины и конца 80-х годов. Не ради эпатажа принимается он в это время ругать мужчин и женщин, интеллигенцию и простонародье, грузин и евреев, и русских, обличать и начальство, и подчиненных. То были для Астафьева годы самого радикального самоутверждения, осознания себя как судьи миру и человеку, народам, нациям, власти, стране, своих мнений – как мерила всех вещей, близких и далеких [Ермолин 2016: 37].

Для апологетики характерны попытки представить антисемитизм как одно из типичных проявлений общей нетерпимости населения к Чужому, распространенной в данной культуре или социальной среде в тот или иной исторический период, и потому не заслуживающей особого внимания в контексте творческой биографии писателя. Любая апологетика, и особенно апологетика тех, кто намеренно смягчает противоречия и сглаживает неровности, представляется мне несправедливой по отношению к самим писателям и их творческому наследию. Трудно избежать апологетики в адрес любимых авторов и ставших родными текстов. Но еще тяжелее писать полуправду и жить под бременем недосказанного и замалчиваемого.

В историко-культурном пространстве России, где писатели спорят о политике на страницах ведущих газет, а политики сочиняют стихи в тюремном заключении, авторская позиция по еврейскому вопросу способна не только зафиксировать климат общества, но и гальванизировать общественное мнение. Начиная с 1860-х годов русские писатели играли ключевую роль в артикуляции еврейского вопроса для широкой читательской публики. Высказывания русских писателей против иудаизма, еврейской идентичности и вклада евреев в историю и культуру России не отличались какой-то особенной глубиной и новизной. Суть проблемы в ином: сначала в царский, потом в советский, а теперь уже в постсоветский период антисемитские идеи и антииудейские послы легитимировались в национальной культуре именно за счет своего соседства (на страницах романов, рассказов, стихов) с глубокими раздумьями о русском народе или же гениальными описаниями русской природы.

Пожалуй, невозможно вообразить исследователя антисемитизма в культуре, занимающего нейтральную позицию. Пафос обличения почти так же неизбежен, как и сознательная апологетика, и я это хорошо понимаю. Тем не менее, исследуя антисемитизм, я стараюсь отдавать должное не только смыслу и значению авторских высказываний в адрес евреев – высказываний порой грубых и примитивных, – но и кодам идеологии и культуры, которые стоят за этими высказываниями. Это и приводит меня, уже не в первый раз, к разговору о русской деревенской прозе.

⁵ См.: [Ермолин 2016]. Ермолину также принадлежит критический и полемический обзор прозы «деревенщиков», написанный в 1992 году и частично опубликованный в 2011 году. См.: [Ермолин 2011]. См. также эссе Олега Лекманова памяти Валентина Распутина [Лекманов 2015].

Писатели-«деревенщики» и еврейский вопрос

К числу ведущих представителей русской деревенской прозы обыкновенно относят Виктора Астафьева (1924–2001), Федора Абрамова (1920–1983), Василия Белова (1932–2012), Валентина Распутина (1937–2015), Владимира Солоухина (1924–1997) и Василия Шукшина (1929–1974). Диссонирующие голоса «деревенщиков» были особенно слышны на советской литературной сцене в поздние 1960-е, 1970-е и ранние 1980-е годы. В середине 1970-х, отчасти из-за усиления деятельности русского ультрапатриотического крыла внутри советского культурного истеблишмента⁶, а также под впечатлением от нарастающей волны эмиграции евреев из Советского Союза, писатели-«деревенщики» оприходовали антиеврейский нарратив российской истории XX столетия. В соответствии с этим тенденциозным нарративом на евреев возлагалась вина за русскую революцию, за превращение России в безрелигиозную страну, за разрушение русской деревни, за манипулирование культурой и средствами массовой информации, и наконец, за то, что они якобы оставили Россию на грани катастрофы. Разумеется, писатели-«деревенщики» были не первыми и не последними – в России и в других странах и культурах, – кто сваливал на евреев ответственность за общенациональные бедствия. Но случай русских писателей-«деревенщиков» примечателен для историков еврейского вопроса именно тем, с какой целокупностью и решимостью они выполняли роль «медиатора»⁷. Я пользуюсь термином философа культуры Рене Жиара, который предложил его в книге «Козел отпущения» (*Le bouc émissaire*, 1982), посвященной стереотипам преследования. Иначе говоря, укореняя стереотипно-негативное восприятие роли евреев в истории и культуре, писатели-«деревенщики» выполняли одновременно две функции: искажителя информации и связующего звена. Применяя жираровскую модель к советской послевоенной истории, можно заметить, что риторическими и художественными средствами писатели-«деревенщики» преодолевали барьер между «незначительностью индивидуума» (будь он русский или еврей) и «громадностью тела общества» (советского и постсоветского).

Вспомним роман Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1890), в котором этическая деградация героя приводит к его эстетическому обезображиванию. Нечто подобное наблюдается и в случае с упадком деревенской прозы. Упадок этот наступил не только в силу стагнации и приближавшегося конца советской системы, но и в результате внутреннего конфликта между художником и носителем ультрапатриотических идей. Неспособные или не пожелавшие писать о евреях с той же мерой правдивости и ответственности за свои слова, с которой они писали о русских, некоторые из писателей-«деревенщиков» выражали гнев, бессилие и растерянность в экстремистских дискурсивных заявлениях, в то время как другие перешли от сочинения оригинальных романов и рассказов о деревенской жизни к посредственной городской прозе, пронизанной предрассудками, а также к ходульным историческим романам, воспроизводящим общие места христианской юдофобии и современного антиеврейского дискурса.

В настоящей работе мне хотелось бы осветить карьеры трех известнейших и крупнейших представителей русской деревенской прозы, Виктора Астафьева, Василия Белова и Валентина Распутина. В жизни и творчестве этих «трех В» русской деревенской прозы воплощены разные

⁶ Об истории русского ультрапатриотического движения в советский послевоенный период см.: [Митрохин 2003].

⁷ См.: [Girard 1986: 15]. Книга Жиара «Козел отпущения» («*Le bouc émissaire*») вышла во французском оригинале в 1982 году. Здесь и далее я цитирую авторизованный английский перевод книги. Штудирова публикации последних двух десятилетий, посвященные русской деревенской прозе, я с интересом отметил статью Александра Журова о Василии Белове, опубликованную в 2013 году. Идя в какой-то мере по следам моего исследования 2000 года («*Anti-Semitism and the Decline of Russian Village Prose*»), на которое Журов, к сожалению, не ссылается, исследователь опирается на теоретические выкладки из книги Жиара. При этом, осциллируя между отрицательной апологетикой и восхищением «жив^{ым}», колеблющ^{имся} сознани^{ем}» писателя, Журов приходит к иным выводам на предмет наследия Белова. См.: [Журов 2013].

траектории послевоенной советской литературы, разные пути писателей-«деревенщиков», – ветерана Великой Отечественной войны, крестьянского коммуниста-карьериста и провинциального интеллигента.

Виктор Астафьев. Нутряной антисемит вопреки самому себе

Виктор Астафьев родился в 1924 году в селе Овсянка в Красноярском крае и в детстве лишился отца и матери. Астафьев пошел добровольцем на фронт и воевал в 1943–1945 годах, после войны работал на Урале и обратился к литературному труду только в начале 1950-х годов. В 1959–1961 годах Астафьев учился на Высших литературных курсах в Москве. На заре своей литературной карьеры он видел много добра от представителей советской интеллигенции, таких как литературные сотрудники «Нового мира» Борис Закс и Анна Берзер⁸. Тем не менее с первых публикаций и до конца его дней произведения Астафьева были пропитаны враждебностью к интеллигенции. Интеллигенты, значительная часть которых у Астафьева маркирована еврейским происхождением, изображены как люди высокомерные, весьма ограниченно понимающие жизнь простых русских. Вот выдержка из письма 1959 года: ⁸

Хотя Лев Никулин и уверяет, что житье в Москве якобы возвышает людей культурно над периферийщиками, я все же остаюсь ярым приверженцем «бескультурной», но и не обьевропеившейся, в худшем смысле того слова, периферии. Старый пердун он, этот Лев, если так позволяет себе думать о так называемой периферии. Она ему все кажется сирой Русью, какой была до отмены крепостного права⁹.

Астафьев почти без исключения реагирует на реальных евреев в негативно-стереотипном ключе и рисует еврейских персонажей как нечистых на руку, надменных, трусливых и гротескных. Анекдотический антисемитский оборот «хоть еврей, но хороший человек» он употребляет без малейшей интроспекции. В 1974 году заболевший пневмонией Астафьев пишет жене из винницкой больницы:

Мест нигде нет – все забито. Его [кинорежиссера Артура Войтецкого] школьный соученик, профессор Шкляр, освободился лишь вечером (еврей, а мужик хороший, твердый, чуткий) – аж побелел, обзванивая всё и вся. К ночи меня уже увезли в санлечуправление (так здесь называется спецклиника)¹⁰.

В ранней повести «Звездопад» (1961) появляется фотограф с абсурдным для еврея сочетанием имени и отчества и не менее издевательской фамилией – Изик Изикович Шумсмагер, – которая, похоже, анаграмматически («шум-бум») отсылает к Исаю Фомичу Бумштейну из «Записок из Мертвого дома» Достоевского. В большом цикле рассказов и мемуарных записей, названном «Последний поклон» (1968–1988; 1989), автобиографический герой Астафьева вспоминает инцидент со школьной учительницей, еврейкой. Следующее описание вряд ли наполнено любовью к русским евреям:

В класс с указкой, картами и журналом в беремени вошла Ронжа – такое прозвище носила учительница за рыжую вертлявую голову, зоркий глаз и керкающий голос. На самом деле Софья Вениаминовна, географичка, наш классный руководитель. Росту Ронжа от горшка два вершка и потому готова уничтожить всех, кто выше ее и умней [Астафьев 1994а, 2: 18].

⁸ О Заксе и Астафьеве см.: [Ростовцев 2009: 127–128]. О Берзер см.: В. П. Астафьев. Письмо (жене и детям). 15 августа 1960 года [Астафьев 2009: 39].

⁹ В. П. Астафьев. Письмо П. В. Чацкому. 5 июля 1959 года [Астафьев 2009: 31].

¹⁰ В. П. Астафьев. Письмо жене. Сентябрь 1974 года [Астафьев 2009: 195].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.